

"В некотором роде", - протянула Минерва свой ответ. "Из того, что сказал мне его отец, он жадно преследует все, что его интересует, но прилагает лишь мимолетные усилия по остальным предметам". Сделав паузу, она продолжила,

"На самом деле и отец, и сын довольно умны. Вопросы, которые они задавали мне, были удивительно сложными и сложными для ответа". Через мгновение она добавила веселым тоном: "Очевидно, мистер Смит увлекается маггловской рок-музыкой. Он спросил меня, может ли он привезти свою гитару в Хогвартс, чтобы попрактиковаться".

Альбус усмехнулся этому, чувство облегчения пронзило его. К счастью, мистера Смита хорошо любили в его доме. Посмотрев на своего заместителя, он решил прибегнуть к одному из своих любимых изречений

"Ты знаешь, что я думаю об этом, Минерва. Музыка — это магия..."

"...магия, превосходящая все, что мы здесь делаем", — вмешалась она.

Мучительное сомнение поселилось в голове Альбуса. Он подумал о том, чтобы прояснить это.

"Просто из любопытства, какую палочку выбрал мистер Смит?" - спросил Альбус почти нерешительно. Пожалуйста, не говори "холли", пожалуйста, не говори "холли".

"Яблоневое дерево и перо феникса", - последовал усталый ответ. "Очевидно, это была самая старая палочка в магазине, даже старше самого Олливандера. Нам потребовалось больше часа, чтобы найти его, - объяснила Минерва.

Альбус почувствовал, как его губы изогнулись в улыбке, когда его беспокойство исчезло. Он решил, что пришло время перейти к реальной цели этой встречи.

"Мистер Смит действительно кажется интересным молодым волшебником", - сказал он небрежным тоном, привлекая внимание Минервы. "Мне нужна твоя помощь кое в чем, Минерва". Посмотрев поверх очков-полумесяцев, он добавил серьезным голосом: "Кое-что чрезвычайно чувствительное".

Минерва выпрямилась, ее внимание было приковано к своему наставнику. Альбус продолжил,

"Нам нужно защитить определенный артефакт внутри замка, и мне нужно, чтобы вы разработали защиту для него". Он позволил информации войти. "Темные силы, вероятно, будут вовлечены в его поиски. Я уже завербовал Северуса для этого. Я также спрошу Филиуса и Помону, но только он и вы должны знать истинную цель; мы намерены поймать потенциального вора с поличным".

"И что это за артефакт?" она спросила. Его ответ был почти нерешительным.

"Философский камень"

25 июля 1991 года

"...мы видим, что, изображая только один открытый занавес, автор, кажется, изображает одиночество в..."

Марк уже отключился, его рука опиралась всей тяжестью головы на стол. Из всех предметов он больше всего ненавидел изучение языков. И хуже всего был английский.

"Нет, автор просто, наверное, забыл упомянуть о другом занавесе", - мысленно усмехнулся Марк. "Или, возможно, он хотел досадить студентам-литературоведам спустя столетия после своей смерти".

Его мысли вернулись к предметам, которые он будет изучать в Хогвартсе. Он уже закончил книгу по теории магии, написанную этим "Ваффингом". В нем было довольно много информации, но большая ее часть была просто анекдотической и эмпирической. Он надеялся купить несколько более полных книг на эту тему, когда вернется в Косой переулок в воскресенье. Он также надеялся более тщательно осмотреть все остальные магазины. Вероятно, в Ноктюрн-аллее можно было найти интересные вещи, но профессор МакГонагалл специально запретила ему ходить туда, и это место, вероятно, не было таким гостеприимным для такого одиннадцатилетнего мальчика, как он. Так что с этим придется подождать, пока он не подрастет.

По настоянию его отца они купили несколько дополнительных вещей и даже модернизированный багажник. Это было дорого, но Марк согласился, выслушав доводы своего отца, что это была одноразовая покупка, которой ему должно хватить на несколько лет. В нем было три отсека, которые каким-то образом занимали одно и то же физическое пространство. Как по волшебству.

Когда они росли вместе с его отцом, деньги никогда не были для них проблемой. Сбережения и пенсия его отца были солидными, а семья его матери была богатой, так что все богатство должно было перейти к нему.

Рука Марка скользнула под рубашку и подсознательно огляделась. Потертые края серебряного медальона коснулись его пальцев, и он провел большим пальцем по замысловатому узору. Это был один из немногих сувениров, которые остались у него от матери. Это была семейная реликвия, переданная от деда по материнской линии его единственной дочери, а теперь и ее сыну.

Его мать. Сара Смит была доброй и любящей женщиной. По крайней мере, так все всегда говорили.

Марк ненавидел тот факт, что едва помнил ее. Даже ее лицо было чем—то, что он представлял себе только на фотографиях—ее голос из воспоминаний, которые он почерпнул у своего отца. Больше не о чем говорить.

Она умерла всего через месяц после его рождения, в ту самую рождественскую ночь. Когда он вырос, он никогда по-настоящему не замечал ее отсутствия; в конце концов, его отец очень хорошо заботился о нем. Не было ни одного момента, когда бы он по-настоящему задумался, где его мать.

К тому времени, когда он стал старше, он знал достаточно, чтобы больше не удивляться. Не было ощущения пустоты или чего-то упущенного. Просто академическое любопытство, которое требовало удовлетворения. По крайней мере, он так думал.

Итак, он отправился к Эдвину. Он не хотел беспокоить отца щекотливыми вопросами о своей умершей жене, заставляя его переживать болезненные старые воспоминания. Не тогда, когда ему только что поставили диагноз лейкемия.

Эдвин понял и сделал все, что мог. Он рассказывал истории о том, как познакомились его родители, как молодой и искушенный инвестиционный аналитик влюбился в грубого и красивого солдата и как они поженились. Как у его матери был острый ум и приятный характер, и как она хотела создать семью с мужчиной, которого любила. Что именно Марк упустил из виду.

И теперь был очень хороший шанс, что его отец может бросить его через несколько лет.

Марк не был наивен; он был хорошо знаком со смертью. Его отец обсудил с ним все, что ему нужно будет сделать после. Они даже в шутку окрестили его своей "Протокольной Валькирией", имея в виду реальную операцию "Валькирия", которая состоялась во время второй мировой войны.

Но весь юмор в мире не мог скрыть стоящую за этим холодную суровую правду. Марку хотелось, чтобы это заняло как можно больше времени, прежде чем станет реальностью. Просто дай ему еще немного времени.

Марк выбросил эти мысли из головы, вместо этого решив подумать о своей новой палочке. По иронии судьбы, это была самая старая палочка в магазине, как взволнованно сообщил ему Олливандер. Честно говоря, к тому времени Марк был просто рад тому факту, что палочка вообще выбрала его.

Палочка из яблоневого дерева оказалась намного длиннее, чем он ожидал; в четырнадцать с половиной дюймов она была длиннее даже его бедра. Ему нужно было найти какой-то способ должным образом носить его при себе, как это сделала профессор МакГонагалл. Может быть, он мог бы смастерить какую-нибудь кобуру из того, что было у него в комнате.

После того как они вернулись домой из похода по магазинам, Марк провел вечер, изучая старинное произведение искусства под увеличительным стеклом, надеясь понять, что, по-видимому, является чрезвычайно чувствительной формой магии. Возможно, однажды он сможет научиться делать свою собственную палочку.

<http://tl.rulate.ru/book/39472/1581853>